

Оружие для бедных

ЭКСКЛЮЗИВ

«У меня лежат фотографии, на которых запечатлены результаты газовой атаки во время ирано-иракского конфликта. Это страшно: груды трупов с чудовищными следами поражения; мертвые грудные дети в пыли, на дороге — там где их застало смертоносное оружие. Это действительно оружие, которое должно быть запрещено!» — заявил в интервью корреспонденту «МН» Владимиру ОРЛОВУ начальник войск радиационной, биологической и химической защиты Министерства обороны России генерал-полковник Станислав ПЕТРОВ.

Редко можно представить, чтобы военный человек был так эмоционален. Еще более уникальный случай — факт самого интервью: военные не любят делиться своими планами.

— Существует постановление правительства, принятое в 1993 году, о степенях секретности для информации по химическому оружию. Сегодня оно нужно?

— Постановление касается охраны секретов в области разработки и производства химического оружия. Я отношусь к нему положительно; оно соответствует духу конвенции. Вы понимаете, что в Токио секта Аум Синрикэ использовала знания и практику старшего лейтенанта японской армии... Я думаю, что студент пятого курса МХТИ при наличии лабораторного оборудования и самое главное — вытяжного шкафа (чтобы обеспечить свою личную безопасность) может синтезировать и зарин, и зоман. Пожалуй, только потребуются усилия, чтобы получить исходные продукты.

Если дать технологическую цепочку того, как производить отравляющее вещество, его синтезируют моментально. А у нас есть государства, которые не подписали конвенцию, особенно страны арабского мира, которые увязывают подписание и ратификацию конвенции с наличием у Израиля ядерного оружия.

Раньше, скажем, расположение арсенала химического оружия — это же была тайна за семью печатями; по всей стране возили химическое оружие, и никто об этом не знал. И не было ни одной аварии, так как существовал специальный режим перевозок.

— Значит, поэтому в Министерстве обороны крайне жестко относятся к тем, кто хотел бы посетить объекты хранения химического оружия?

— Сейчас, когда возникают сложности различного характера, мы против того, чтобы расскандывать как можно большему количеству людей, как и где мы храним химическое оружие. И мы не любим когда посторонние «ломаятся» посещать эти объекты. Разве это выставка какая-то? Каждая такая выставка приводит к тому, что все большее количество людей получает доступ к информации о системе охраны. К чему это может привести? Многие не понимают, что чем меньше знаешь, тем крепче спишь.

— Вы сказали, что обеспокоены отсутствием подписей под конвенцией ряда ближневосточных государств. Обеспокоены этим и некоторые парламентарии — противники конвенции.

— Исследования химии токсичных веществ, сверхтоксичных веществ постоянно ведутся, как не может не вестись поиск лекарственных препаратов и т.д. Так что полностью исключить возможность появления в арсеналах некоторых стран нового вида химического оружия нельзя. Есть государства, которые, скажем, не имеют на данный день запасов, но способны в течение полутора-двух месяцев наладить производство.

— Когда мы говорим о количестве химического оружия, которое подлежит уничтожению, мы ссылаемся на то, что официально заявлено, — 40 тысяч тонн. На слушаниях в Государственной думе в 1994 году звучала и цифра в 10 раз больше — 400 тысяч тонн. Ряд серьезных специалистов, посмеиваясь над «400 тысячами тонн», рекомендо-

дует исходить из цифры в 100 — 150 тысяч тонн.

— 400 тысяч тонн — это нереально. Такого количества в России вообще никогда не производилось. У нас запасов 40 тысяч тонн. Сейчас, если бы мы даже очень захотели, все равно не могли бы скрыть эту цифру.

Говорить о том, что произведено 150 тысяч тонн ОВ? Для того чтобы это заявлять, надо иметь основания. Нужно осуществить широчайший архивный поиск, чтобы владеть такими цифрами. Отравляющие вещества активно производились при Берия, в условиях тотальной секретности, тотальной шпиономании... Даже сейчас в архивах невозможно разобраться и найти какие бы то ни было следы. Чтобы разобраться в архивах, нужно создать специальную группу, получить соответствующее финансирование.

— На заседании оперативного комитета правительства под председательством первого вице-преьера Олега Сосковца рассматривался вопрос о финансировании мероприятий по уничтожению химического оружия. Сколько в итоге выделено Министерству обороны?

— Было принято решение выделить Министерству обороны на проблему химического разоружения не менее 500 миллиардов рублей, когда мы запрашивали 537 миллиардов. Сейчас Минэкономики и Минфин говорят о выделении лишь 146 миллиардов рублей. При таком раскладе мы не сможем уложиться в те графики, которые определены правительственной программой.

— Проект закона об уничтожении химического оружия предусматривает финансирование не только из государственного бюджета, но и использование различных внебюджетных средств, в том числе помощь иностранных государств, привлечение частного капитала.

— Если говорить, скажем, о помощи Соединенных Штатов, то реальной помощи еще нет. Единственное, в этом году нам с помощью усилий удалось затанцевать в совместный эксперимент. И то они это сделали, надеясь воспользоваться его результатами. Мы просим их: «Нравится вам технология, одобряете ее — давайте договариваться о том, чтобы мы передали ее вам как равноправным участникам такого эксперимента, а вы нам — завод «под ключ» на одном из арсеналов, скажем, в Курганской области, в Щучьем. Американцы обстаивают эту помощь всевозможными условиями, и по сути дела это — выкачивание знаний о военно-химическом потенциале России за американские деньги. С ними очень тяжело работать.

С немцами проще. Они не ставят никаких условий, а дают деньги и просят только, чтобы был отчет (с привлечением немецких аудиторских фирм), куда эти деньги уходят, и чтобы эти деньги шли на проблемы уничтожения химического оружия. Они осуществляют соответствующий контроль. И уже оказали помощь на 15 миллионов марок, а на 1996 год планируют оказать поддержку в размере 9 миллионов марок. Под эти деньги они нам поставили лабора-

От того, пойдет ли Россия по пути уничтожения химического оружия, зависит безопасность ее граждан.

1996 год ставит перед властью вопрос: согласна ли она на уничтожение химоружия в соответствии с международной Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия или нет?

Новой Думе предстоит рассмотреть проект закона об уничтожении химоружия, а правительству — утвердить программу его ликвидации.

Сколько лежать боеприпасам?

КОММЕНТАРИЙ

Трудности химического разоружения в России связаны не только с отсутствием денег и нерешительностью политиков, но и с несовершенством международного законодательства в этой области.

Как часто представляют, главная проблема, которая встает при уничтожении химического оружия, — это недостаточное финансирование. Из запланированных на 1994 год 38 308,5 млн. руб. выделено лишь 12 350 млн. (32,2%) и лишь малая часть от запрошенных на 1995 год 153,8 млн. руб. При этом из оборонного заказа 1995 года исключен раздел, касающийся совершенствования системы безопасности хранения химоружия. Как результат инспекции по состоянию сохранности боеприпасов в 1993 и 1994 гг. так вообще не проводились, и сейчас вряд ли кто-нибудь может с уверенностью сказать, в каком состоянии боеприпасы находятся. Судя по всему, не в очень благополучном. Прозвучавшие в 30-х — начале 40-х годов запасы отравляющих веществ в крупнотоннажных емкостях, установленных в хранилищах постройки 50-х

Те, кто сейчас занимается ликвидацией оружия и выработкой технологий его уничтожения, руководители программ и военных институтов — это люди, которые всю свою жизнь занимались его разработкой и созданием, те, чья деятельность в этой области была отмечена высокими правительственными наградами (Ленинская премия 1991 г. за создание бинарного оружия — бывший председатель конвенционного комитета Анатолий Кунцевич, Виктор Петрунин — директор ГосНИИ органической химии и технологии. Трудно предположить, что эти люди сейчас с таким же рвением возьмутся за уничтожение оружия, как когда-то за его создание.

Отсутствие упоминания в тексте конвенции 1993 года компонентов бинарного химического оружия стало одной из причин, по которой ее ратификация была отклонена на слушаниях в Думе в марте 1994-го.

Запасы химического оружия на российских базах хранения (по данным на 1994 год)

База хранения	Запасы химоружия в процентах	V-газ	Зарин	Зоман	Иприт	Люизит	Смесь иприта с люизитом	Фосген
Почеп, Брянская обл., авиационная база	18,8	+	+	+	-	-	-	-
Марадыковский, Кировская обл., авиационная база	17,4	+	+	+	-	-	+	-
Леонидовка, Пензенская обл., авиационная база	17,2	+	+	+	-	-	-	-
Щучье, Курганская обл., артиллерийская база	13,6	+	+	+	-	-	-	+
Кизнер, Удмуртская респ., артиллерийская база	14,2	+	+	+	-	+	-	-
Камбарка, Удмуртская респ., химическая база	15,9	-	-	-	-	+	-	-
Горный, Саратовская обл., химическая база	2,9	-	-	-	+	+	+	-

Данные по запасам адамсита, газа CS и хлорацетофенола не включены.

Источник: Arms control Today July/August 1995. Лев Федоров. «Необъявленная химическая война в России: политика против экологии», М., 1995.

торное оборудование, подвижные лаборатории для мониторинга окружающей среды.

В правительстве Нидерландов рассматривается вопрос об оказании помощи России в размере до 30 миллионов гульденов: мы обязались им предоставить всяческую информацию, связанную с проблемой переработки люизита, а они на основе этой информации — определить сферу помощи. Голландцы были в Камбарке (Удмуртия), посмотрели строительную площадку, где планируется строить терминалы и сам завод по переработке химического оружия. Мы надеемся на подписание с ними межправительственного соглашения.

— В 1997 году истекают гарантийные сроки всех химических боеприпасов. Сумеете ли обеспечить безопасность имеющихся боеприпасов до их уничтожения?

— Я бы не сказал, что в 1997 году истекают все гарантийные сроки. Мы рассматриваем гарантийный срок по способности боеприпасов к применению. Но даже после того, как истекает гарантийный срок, специалисты проводят работу, связанную с определением технической пригодности боеприпаса. И говорить о том, что в ближайшие 5 — 10 лет начнется массовый выход из строя боеприпасов, не приходится.

Несмотря на то, что я человек военный и мне подчинено Управление химической и биологической защиты, у меня нет колебаний при ответе на вопрос, должно ли быть уничтожено химическое оружие. Конечно!

годов, которые требуют капитального ремонта. Истекли сроки хранения части артиллерийских и авиационных боеприпасов. Не выделяется денег на развитие инфраструктуры регионов хранения химоружия, что значительно затрудняет работу по согласованию строительства заводов по уничтожению с местным населением.

Но только ли к недостаточному финансированию все сводится? Сейчас уже известно, что Россия обладает самым большим в мире арсеналом химического оружия: официально объявлено о 40 000 т боевых отравляющих веществ, из них 32,3 тыс. т составляют фосфорорганические отравляющие вещества нервно-паралитического действия (зарин, зоман, VX-газ) и 7,7 тыс. т — «старые» отравляющие вещества (люизит, иприт и интронитные смеси). Однако, по оценкам известных специалистов химиков — академика Ирины Белевой и доктора физико-математических наук Сергея Новикова, эти данные «нуждаются в корректировке в сторону существенного увеличения».

Да и кто сейчас точно может сказать, сколько оружия было произведено, затоплено и захоронено. Обстановка тотальной засекреченности и командно-административный подход привели к тому, что так и не были открыты хорошо оснащенные заводы, перепрофилированные для уничтожения химического оружия, в Чапавске Самарской области и Новочебоксарске в Чувашии. Да и сейчас американское военное командование знает о нашем химическом оружии значительно больше, чем население тех мест, где оно будет уничтожаться.

В исправленный вариант конвенции августа 1994 года внесены соответствующие дополнения. Способ действия этого вида оружия массового уничтожения основан на том, что боевое ОВ синтезируется в процессе выстрела, пуска ракеты и т.д. из двух и более нетоксичных элементов. При этом токсичность нового поколения отравляющих веществ нервно-паралитического действия превышает токсичность веществ типа ви-экс в пять — восемь раз. Судьба этого ОВ, не имеющего «противоядия» и не поддающегося излечению, пока не решена.

Сейчас все чаще раздаются голоса о том, что мы должны поддерживать свой научный арсенал по исследованиям ОВ в целях обороны, а от исследования недалеко и до создания нового, еще более мощного оружия под эгидой государственной безопасности.

М.К.

ПРОГНОЗ

Но сейчас заняты внутриполитической борьбой депутаты Думы вряд ли найдут время, чтобы определить грань, отделяющую научные исследования оборонного характера от разработки новых видов вооружения.

Печатается в сокращенном варианте. В полном виде печатается в журнале «Ядерный Контроль». Материал подготовила Мария КАЦВА